

ΦΟΛΚ-ΧΟΡΡΟΡ

ИГОРЬ ТОЛИЧ

ДОЧЬ
МОЛЬФАРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	7
Глава 1	9
Часть 1.....	17
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	44
Часть 2.....	51
Глава 7	52
Глава 8	56
Глава 9	68
Глава 10	72
Глава 11	79
Часть 3.....	85
Глава 12	86
Глава 13	91
Глава 14	95
Глава 15	103
Глава 16	110
Глава 17	116
Часть 4.....	125
Глава 18	126

Глава 19	131
Глава 20	141
Глава 21	152
Глава 22	157
Глава 23	165
Глава 24	170
Глава 25	175
Часть 5	181
Глава 26	182
Глава 27	191
Глава 28	196
Глава 29	205
Глава 30	213
Глава 31	220
Часть 6	228
Глава 32	230
Глава 33	236
Глава 34	241
Эпилог	249
От автора	251

ΠΡΟΛΟΓ

ГЛАВА 1

Ветер завывал протяжно, словно гудели трубы, оказавшиеся в руках воскресших покойников. Он врвался в любую щель, сдирал кору с многовековых стволов как ветхие тряпки, играючи швырял камни, ледяным кинжалом пронизывал до костей всё живое. Трепещущие под ветряными порывами ветки деревьев будто взывали о помощи. Но прийти этой помощи было неоткуда. На всю заметённую снегом и скованную ледяным панцирем округу не находилось и признака людского жилища. Лишь на предгорье, если сильно вглядеться в кромешную тьму, виднелись очертания попрятавшихся в горной груди не-высоких домов.

Нигде не горел свет. Что с него толку в такую бурю? У всякой свечи или лампы немедля сдувало хрупкое пламя. Ничто не могло противиться лютой стихии. Оставалось лишь ждать просвета и молиться, молиться.

— Отче наш, — лопотала Сарика, ещё сильнее прижимающая младенца к опустевшей груди. — Еже еси на небесех...

Ветер ударил ей в лицо краем цветастого платка, которым молодая женщина обмотала голову. Сколько ни ста-

ралась, а проклятый буран всё-таки выдрал клочок ткани из-под ворота овечьего тулупа и теперь хлестал по глазам, не щадя. Сарика старалась не плакать. Иначе слёзы мгновенно застывали ледяной коркой на щеках. Обмороженную кожу страшно щипало.

— Да светится имя Твое, да приидет Царствие Твое... — упорно твердила Сарика выученные в церкви слова.

Она не знала их значения. Она многого не понимала в этом мире, кроме того, что обязана сейчас идти. В стужу, в непогоду, сквозь раздирающий плоть стылый ветер. Она должна дойти.

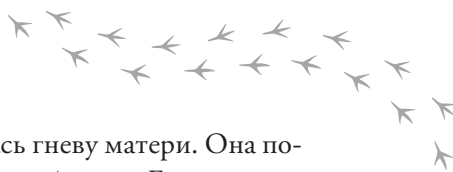
Сарика уже не чувствовала ног, утопавших по колено в снегу, и всё-таки откуда-то находила силы, чтобы сделать новый шаг.

Младенец, завитый в кулёк, давно не шевелился, не кричал, ничем больше не тревожил. Возможно, уже и не дышал. Мать наказала Сарике снести дитёнка в лес, пока никто из живущих поблизости соседей не узнал о том смертном грехе, что совершила дочь кузнеца.

— Это проклятое дитя! Проклятое! — гремела опозоренная женщина, воздымая сухие дрожащие руки к домашним иконам. — Сатанинское отродье! Пускай Босорка¹ его приберёт! Уноси! Уноси с глаз моих!

Она усердно молилась нагромождению цветных безыскусных картинок на кривых дощечках, не обращая внимания на стенания дочери, затыкая уши каждый раз, когда начинал верещать мерзкий младенец. Она молилась, чтобы бог смилостивился над ней и вразумил её глупую, недостойную дочь.

¹ **Босорка** — ведьма, которая крадёт детей. Тоже неупокоенная душа. Персонаж встречается в венгерской, румынской, сербской, польской, украинской мифологиях. Во многом образ босорки перекликается с образом вештицы. Сербь также называют босорку «бабица» или «ночница».

Сарика почти не сопротивлялась гневу матери. Она покорно сносила побои, угрозы и оскорбления. Её страшила мысль о том, что её дитя должна забрать Босорка — эта костлявая жуткая ведьма, которая похищает маленьких детей из колыбели. Но, если бы ей был нужен ребёнок Сарики, разве не сделала бы она, как рассказывали старухи: пробралась в дом под покровом ночи, усыпила жителей мелодичным пением, а потом стащила бы комочек живой розовой плоти с крохотными ручками и ножками, которые так забавно хрустят под зубами, когда их кусает гнилой ведьмин рот. Стало быть, Босорке не сдался этот младенец, как не сдался он никому в доме Сарики.

Сама она не понимала, как относится к ребёнку. Некогда было понимать, некогда жалеть о содеянном в коротких перерывах между проклятиями матери и детским плачем. Теперь ребёнок хотя бы перестал плакать, но легче от этого не стало. Сарика глотнула колючий холодный воздух. Всё её нутро моментально заледенело, ток крови замедлился, и ледяная корка стала покрывать всё внутри, обрекая молодую женщину на жестокую, но хотя бы быструю смерть. Это могло бы стать тем самым божьим милосердием, о котором так молилась Сарика.

— Надо идти, — прошептала она потемневшими до цвета грозового неба губами.

И пошла дальше. Медленно.

Она слышала, что где-то на окраине Боровицы живёт одна старуха по имени Космина. То ли колдунья, то ли в самом деле настоящая вештица². Про неё говаривали,

² **Вештица** — ведьма-оборотень, встречающаяся в преданиях южных славян. Встречается в сербской, хорватской, болгарской мифологии. По разным данным, вештицей можно было стать как по рождению, так и вступив в сделку с чёртом. Оборачиваться вештица может животным, птицей или насекомым. Обычно это злой персонаж, который ворует скот, молоко у коров и насыляет всякие невзгоды на людей.

что по ночам она оборачивается рыжей двухвостой лисой и ворует кур и прочую домашнюю животину. Но ещё Космина лечит и привечает детишек. У неё живёт одна сиротка. А где одна, там и второй место найдётся.

Так думала Сарика, пробираясь по сугробам, прокладывая себе путь сквозь лютое ненастье. Губы её потрескались на ветру и закровоточили. Она перестала шептать молитву. Она бы и идти перестала, если бы поняла, что давно заблудилась, что домой ей уж не вернуться, что до жилища Космины и в добрую погоду ещё с полдня идти. А между тем вокруг зияла ночь. Буран только набирал мощь, становясь всё злее. Каждая минута превращалась в огромный, наполненный удушающей чернотой час. Сарика шла уже несколько часов. Или, может, несколько лет?.. Может, она успела состариться в пути, оттого и кажется такой близкой и естественной смерть?..

Хрустнула ветка над головой. Сарика не видела, куда она рухнет, просто сжалась в комок посильнее, зажмурила глаза с побелевшими от кристаллов льда ресницами. Ветка полоснула наискось, почти не задела. Ветер тут же подхватил её, как соломинку, и поволок дальше в темноту. Сарика попыталась выпрямиться. Но колени совсем перестали слушаться её. В них сконцентрировалось столько боли и тяжести, словно бы их наполнял свинец.

Сделав над собой невероятное усилие, Сарика огляделась. Чёрно-белая мгла из бесконечной ночи и снега растекалась вокруг, насколько хватало глаз.

Но вдруг нечто отделилось от тьмы, зашевелилось неторопливо, сонно и тяжело. Это не могло быть животное — слишком огромное и медлительное, оно чем-то напоминало оживший древесный ствол. То было правдой отчасти: гигантская подвижная фигура доселе прижималась к старому толстому дереву, а ныне двинулась на Са-

рику. В массивной, поросшей густыми чёрными космами голове сверкнули два кровавых огня вместо глаз. От необъятного тела отходили длинные толстые руки, покрытые шершавой коростой и жёсткой щетиной.

Существо превосходило ростом Сарику в два раза, а её нежеланный приплод мог бы уместиться в одной его узловатой ладони, покрытой бородавками. Оно приближалось, сминая сугробы ногами-корневищами. Если б пуститься наутёк, чудище вряд ли бы догнало проворные человеческие ноги. Однако Сарика оцепенела уже не только от холода и страха перед неизвестностью, но и от ужаса, завладевшего ею, когда она поняла, что древесный гигант направляется к ней. Она вскрикнула.

Последнее, что ей удалось ощутить перед тем, как пасть замертво, — робкое шевеление в кульке. Младенчик услышал материнский крик и тоже испугался. Лишившись чувств, Сарика окончательно потонула в снегу.

Тем временем чудище настигло скрюченное в сугробе девичье тельце. Корявые руки потянулись к овечьему тулупчику, жадно стиснули воротник. Несколько минут древесное существо разглядывало находку, а затем потащило за собой волоком, неторопливо преодолевая все препятствия. Ветер был ему нестрашен, не мог ни навредить, ни снести. Цепкие корни на ногах мигом прирастали к любой поверхности, давая надёжную опору. Лишь красные глаза чудища немного щипало. Но они ему были не столь нужны, чтобы отыскать в ночи нужное место.

Путь оказался недолог. Древесный исполин добрёл до маленькой поляны, освещённой костром в сердцевине. Кругом костра распространялось тепло, и снег покорно уступил, оставив небольшое пространство свободным. Вступив в круг, чудовище поморщилось. Прямо за освещё-

щённой чертой стояло натуральное лето — жаркое и безветренное.

У костра сидел человек, немолодой, но поджарый в одной лёгкой полотняной рубаше и простых домотканых штанах. Голову его давно сплошь укрыла седина. Он что-то негромко шептал и поминутно подкидывал в огонь то щепку, то целую связку пахучих трав, отчего пространство наполнялось дурманящими, терпкими ароматами.

— Здравствуй, Штефан, — пророкотало чудище.

Сосредоточенное лицо мужчины смягчилось:

— Здравствуй, Чугай³, — приветливо сказал он. — Что это тебе не спится в такое ненастье?

— Да вот... — Чугай неловко примостил на землю рядом со Штефаном найденную девушку. — Блуждала тут одна. И разбудила.

Штефан аккуратно стянул с обмороженного личика край платка. Он взгляделся в девичьи черты: совсем молодая, не старше двадцати вёсен, а то и моложе.

— Жалко, — басовито протянул Чугай.

Понимающе кивнув, Штефан поводит ладонями надо лбом несчастной. Сарика всё-таки открыла глаза. Тепло костра и человеческих рук подарили ей ещё несколько минут жизни. Она увидела незнакомца, странного, почти раздетого посреди такой лютой стужи, но всё-таки человека.

— Как тебя зовут, девочка?

— Сарика, — вымолвила она слабым голосом. — Вы колдун?

³ Чугайстер (Чугай, Чугайло) — огромный добрый леший. Иногда представляется в образе очень большого косматого мужчины, иногда — в виде покрытого листвою, корой и другими лесными признаками чудища. Однако главное в Чугайстере то, что это всегда добрый персонаж. Он выводит заблудившихся путников из леса, наводит порядок в своём владении. По одной из версий, охотится на мавок и ест их.

Штефан задумчиво пожал плечами.

— Кто-то зовёт колдуном, кто-то — целителем, а кто-то — мольфаром⁴. Меня зовут Штефан.

— Мольфар... — эхом повторила Сарика.

Она слышала о таких людях. В её родной деревне мольфаров отродясь не бывало. Но здесь, среди гор, водилось много странного и необъяснимого.

— Помоги ей, — прогремел Чугай.

Девушка вздрогнула от его голоса, глаза наполнились давно рвавшимися наружу слезами. Мольфар отрицательно покачал белой головой.

— Прости, Сарика, — сказал он. — Я многое могу, но ты уже наполовину в Царствие Нави.

— Не мне помоги, — заплакала Сарика. — Помоги ей.

И она показала взглядом на тугой неподвижный кулёк возле своей груди.

Штефан бережно вынул свёрток из умирающих материнских рук. Откинул клочок меховой шкуры, закрывавший голову младенца.

— Как её зовут? — спросил мольфар.

Сарика не ответила. Она больше не могла никому отвечать в мире живых. Перед ней уже раскинулась далёкая бескрайняя Навь.

Чугай потёр красные глаза:

— Опоздал.

Тяжёлый вздох вырвался из его мощной дубовой груди.

— Она была обречена, — ответил мольфар.

⁴ **Мольфар** — это определение встречается в основном в культуре гуцулов, малой народности, населяющей Карпаты. Мольфарами называли целителей, колдунов, знахарей. В основном это люди, которые приносили пользу и не причиняли зла. Хотя среди мольфаров, по некоторым сведениям, бывали и чёрные колдуны. Среди инструментов мольфара — травы, снадобья, заговоры. Считалось, что они умеют общаться с духами природы и управлять погодой.

Он разглядывал ребёнка, слушал слабое дыхание и едва бившееся сердце. Подумав, Штефан развернул шкуры и тряпицы, бывшие дитю укрытием, уложил беспомощный комок на свои ладони, встал во весь рост и вытянул руки над костром.

— Нарекаю тебя Агнеш — чистым непорочным именем. Живи многие лета.

— Живи многие лета, Агнеш, — кивнул Чугай и снова вздохнул.

ЧАСТЬ 1

